

Юрий Слёзкин

МОЙ ПАНТЕОН

Литературные силуэты

Лев Толстой

Холодом веет на меня, когда смотрю я на страницы творений Толстого. Холодом степного ветра -- ровного и вольного, охватившего меня со всех сторон своими могучими неспешными крыльями. И знает он, что было до него здесь, и знает, что будет, когда снова вернётся сюда.

Вот он -- пахарь, вышел в поле и глянул кругом -- здесь растёт повилика, а будет пшеница.

-- Да, будет,-- мерно дует ветер.

Он весь наш -- русский -- Толстой; нет, не наш, а он ? мы сами, вся Россия...

15-го декабря 1909 г.

А. П. Чехов

Когда говорят -- Антон Павлович Чехов, мне становится так грустно и хочется плакать. Почему?

Разве я не сто и один раз читал и перечитывал его "пёстрые" рассказы и хохотал до упаду, хохотал просто, по-детски, без всякой задней мысли о скрытых слезах. Почему это? И почему вместе с грустью на меня наплывают лиловые, дымчато-лиловые осенние сумерки и слышится где-то странный звук -- не то плач, не то встревоженный вскрик больного. Что это?

Он рассказывает о простых, маленьких людях, о доме с мезонином, заурядной аптекарше, о милых, милых, таких знакомых трёх сёстрах. И он рассказывает, какие смешные казусы случаются со всеми ими (но не смеётся над ними -- они ему не мешают), как они умеют плакать и мечтать о том, что будет через 200-300 лет. Он видит за ними всю неурядицу их жизни, но сам вдали от того, что будет.

Толстой просто взял всё это и отбросил, потому что он знает больше, а Чехову всё это дорого, хотя и не его. Он просто сидит в комнате умершего и как кроткий, чуткий и любящий человек осторожно дотрагивается до каждой вещицы покойного, но не смеет принять её, потревожить,-- не открывает окна, не сметает паутины, потому что холодом веет от того мира, что за окном, и кто знает, может быть, только через 200-300 лет...

Да, владелец этой комнаты умер, умер давно -- быт ушёл в землю, но остались его вещи -- вещи-святыни, вещи, превратившиеся во что-то печально-одухотворённое. И кто скажет, когда придёт новый владелец? Чехов его не знает, Чехов не знает, как Толстой, что там, где была повилика, вырастет пшеница,-- он видит только, что повилика увяла, что человек умер, что быт стал мистичен, но пусть всё так и стоит до времени... Тише -- посмотрите, какой грустный дом с мезонином и какая смешная аптекарша.

И мне грустно до слёз, когда говорят об Антоне Павловиче, об этом дорогом человеке, который мог так любовно и бережно относиться к вещам родного ему покойника.

16-го декабря 1909 г.

Борис Зайцев

Когда я читаю Зайцева, я сейчас вспоминаю Тургенева.

И не потому, что Зайцев взял что-нибудь у последнего. Нет. Оба они родные и каждый по-своему, но